

УДК 81`42

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-119-132

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВСТРЕЧНЫХ ВОПРОСОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ

Чуриков М. П.

*Ростовский государственный университет путей сообщения
344038, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка
Народного Ополчения, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить и описать функционально-прагматические особенности встречных вопросов в немецкоязычном политическом интервью.

Процедура и методы. В работе исследуются фрагменты немецкоязычных политических интервью, в которых ответные реплики политиков представляют собой встречные вопросы. Структурно-семантический анализ встречных вопросов выявил их формально-содержательное и функциональное сходство. Методами дискурсивного и контент-анализа определено коммуникативное намерение политического деятеля в контексте реализации коммуникативной стратегии согласия, несогласия или уклонения.

Результаты. Встречный вопрос нарушает привычную вопросно-ответную модель интервью, выражает эмотивно-экспрессивное отношение политического деятеля к действительности и реализует коммуникативную стратегию согласия, несогласия или уклонения.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные результаты вносят вклад в изучение речевоздействующей силы языковых единиц и могут быть использованы при описании коммуникативных стратегий.

Ключевые слова: встречный вопрос, коммуникативная стратегия, несогласие, политическое интервью, согласие, уклонение

FUNCTIONAL AND PRAGMATIC POTENTIAL OF COUNTER QUESTIONS IN A POLITICAL INTERVIEW

M. Churikov

*Rostov State Transport University
ploshad Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya 2, Rostov-on-Don 344038,
Rostov Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify and describe the functional and pragmatic features of counter questions in a German-language political interview.

Methodology. The paper examines fragments of German-language political interviews in which politicians' responses are counter questions. Structural-semantic analysis of counter questions revealed their formal-substantive and functional similarity. The methods of discursive and content analysis determine the communicative intention of a political figure in the context of the implementation of the communication strategy of agreement, disagreement or avoidance.

Results. The counter question violates the usual question-answer model of the interview, expresses the political figure's emotive-expressive attitude to reality and implements the communicative strategy of agreement, disagreement or avoidance.

Research implications. The results obtained contribute to the study of the speech-influencing power of language units and can be used to describe communication strategies.

Keywords: counter question, communication strategy, disagreement, political interview, consent, avoidance

Введение

На протяжении нескольких последних десятилетий не ослабевает интерес исследователей к проблемам функционирования языковых единиц в речи, к возможности учёта «человеческого фактора» при производстве и интерпретации речевых высказываний. В этой связи актуальным представляется изучение воздействующей силы языковых единиц в различных ситуациях речевого общения, в том числе в политическом дискурсе. Политический диалогический дискурс, к которому мы можем с полным правом отнести жанр политического интервью, предоставляет широкие возможности для изучения речевого воздействия, поскольку политическое интервью характеризуется наличием определённых коммуникативных стратегий и тактик, направленных на изменение морально-нравственных ориентиров, психоэмоционального состояния, поведения, политических взглядов электоральной аудитории [15, с. 121; 16, с. 26–27].

Политическое интервью как одна из разновидностей диалогического дискурса предполагает наличие определённой асимметрии коммуникативных ролей собеседников: интервьюер изначально выступает в качестве инициатора диалога, он задаёт вопросы и меняет тему разговора, а интервьюируемый политик занимает ведомую позицию, то есть отвечает на вопросы в рамках выбранной интервьюером тематики [22, с. 7–8]. Естественно, попытка политического деятеля нарушить привычное течение беседы может быть воспринята аудиторией как стремление перехватить инициативу, сменить «неудобную» тему или уклониться от ответа на «неудобный» вопрос,

скрыть свои истинные намерения, завуалировать собственное незнание предмета беседы, сыграть роль «невинной жертвы» и т. д. В этой связи особый интерес представляет встречный вопрос, возникающий в ответ на иницилирующую реплику интервьюера.

В структуре диалога встречный вопрос представляет собой ответную реплику, обладающую формальными признаками интеррогативности (порядок слов, интонация) и возникающую как реакция на предшествующее вопросительное высказывание. Тем самым нарушается естественная логика процесса построения вопросно-ответного диалога, где за вопросом следует ответ, а не вопрос [21, с. 3].

Исследования встречных вопросов в отечественной лингвистике затрагивают их структурно-семантические характеристики [11], описывают их функциональные возможности с учётом решения прагматических задач (смена темы разговора, уклонение от ответа, выражение сомнения и т. д.) [21], определяют их влияние на кооперативное / некооперативное общение [20]. В зарубежных исследованиях внимание фокусируется на типологии вопросительных конструкций [24] и просодических особенностях интеррогативных высказываний [25].

Функционально-прагматические характеристики встречных вопросов, связанные с возможностью их использования в качестве приёмов реализации разноплановых коммуникативных стратегий и тактик, например, в работах [7; 22], обуславливают правомерность рассмотрения данного языкового явления как одного из инструментов реализации

коммуникативной стратегии согласия, несогласия и уклонения. В нашей работе мы предпринимаем попытку проанализировать встречные вопросы в политическом интервью через призму коммуникативной стратегии согласия, несогласия и уклонения. Впервые во встречных вопросах обнаруживаются и описываются интенции коммуниканта, позволяющие по-новому взглянуть на функционирование ответных реплик в интервью и переосмыслить устоявшееся мнение о том, что встречные вопросы преимущественно являются приёмами реализации коммуникативной стратегии уклонения. Встречные вопросы могут также маркировать кооперативное поведение политика, а также раскрывать дополнительные оттенки смысла, которые оказывают воздействие на речевое поведение интервьюера и на общий ход коммуникации. Полученные в ходе исследования результаты вносят вклад в развитие возможностей диагностирования личностных свойств политиков на основании их коммуникативного поведения, что и обуславливает актуальность работы.

Методы и принципы исследования

Для раскрытия функционально-прагматических особенностей встречных вопросов мы обратились к материалам немецкоязычных политических интервью, опубликованных в разные годы в еженедельном информационно-политическом журнале Германии «Шпигель» (*Der Spiegel*) и размещённые на официальном сайте журнала в разделе *DER SPIEGEL Archiv*¹. Методом сплошного чтения были отобраны примеры вопросно-ответных единств, в которых ответные реплики политиков (встречные вопросы) представляют собой вопросительные высказывания. При помощи структурно-семантического и контекстуального анализа речевых единиц, входящих в

состав вопросно-ответного единства и в смежные реплики коммуникантов, мы предприняли попытку объединить обнаруженные нами встречные вопросы в группы на основании формально-содержательного и функционального сходства. Предложенное деление не претендует на абсолютную полноту и универсальность, является в некоторой степени условным, но, на наш взгляд, даёт представление о спектре встречных вопросов в политическом интервью:

- модусные вопросы (вопросы типа *Wie kommen Sie auf die Idee / die Frage / darauf?*, в которых внимание фокусируется на когнитивно обусловленных механизмах порождения иницирующего вопроса);

- каузальные вопросы (вопросы с вопросительными словами *Wieso?* и *Warum?*, в которых акцентируется установление причинно-следственных связей между иницирующим и встречным вопросом);

- вопросы-переспросы (вопросы, в которых внимание сосредоточивается на определённом фрагменте иницирующего вопроса, вызывающем недоумение или недопонимание);

- риторические вопросы (вопросительные по своей форме высказывания, не предполагающие обязательного ответа и функционирующие как утверждение или отрицание);

- истинные и ложные конкретизирующие вопросы (вопросы, направленные на получение дополнительной информации и преследующие различные коммуникативные цели).

С точки зрения функционально-прагматических характеристик исследованные фрагменты политических интервью с реактивными вопросительными репликами позволили говорить о том, что политический деятель с помощью встречных вопросов выражает определённое коммуникативное намерение – согласие, несогласие или уклонение – и раскрывает при этом своё психоэмоциональное состояние.

¹ См.: DER SPIEGEL Archiv // DER SPIEGEL: [сайт]. URL: <https://www.spiegel.de/spiegel/print/> (дата обращения: 06.04.2022).

Ключевым фактором подобной дифференциации стал тезис о том, что «критерием понимания смысла в рамках коммуникации может служить только определенное действие» и «решающее значение имеет не столько пропозициональное содержание этого действия, сколько его иллокутивная сила» [12, с. 129]. Применительно к нашему исследованию это означает, что политический деятель, отвечая вопросом на вопрос, вовсе не желает получить от интервьюера какую-либо информацию, а репрезентирует своё согласие или несогласие, либо уклоняется от ответа на вопрос.

Обсуждение и результаты

Согласие и несогласие традиционно рассматриваются как взаимосвязанные компоненты коммуникативного сознания, в основе которых лежит отношение коммуникантов к объективной действительности. Это позволяет нам утверждать, что согласие и несогласие как коммуникативные стратегии характеризуются наличием определённой модальности, которая выражается в том, что коммуникант имеет положительное или отрицательное (негативное) отношение к высказыванию своего коммуникативного партнёра, его мнению, точке зрения или какому-либо действию. Согласие / несогласие воспринимается как сформированная позиция коммуниканта относительно предмета обсуждения [18, с. 63–64], то есть мы можем с уверенностью предположить, что выбор коммуникативных приёмов для выражения стратегии согласия / несогласия является осознанным и обуславливается коммуникативной ситуацией.

Речевые акты, репрезентирующие согласие / несогласие, возникают как ответная реакция на предшествующую реплику коммуникативного партнёра. В основе такой реакции мы можем наблюдать выражение коммуникативного намерения согласиться / не согласиться с точкой зрения собеседника, признать / опровергнуть его

правоту, обозначить своё положительное / отрицательное отношение к излагаемому мнению. Лингвистические и экстралингвистические особенности коммуникации, коммуникативные установки собеседников оказывают влияние на выбор тех или иных лексико-грамматических конструкций для выражения согласия / несогласия и обуславливают кооперативное или конфронтационное поведение коммуникантов. Несмотря на то, что несогласие, как можно предположить, представляет собой вид конфронтационного поведения, в ряде случаев оно является предпочтительным действием и показателем кооперативных взаимоотношений в сфере общения [20, с. 72]. Например, в ходе выработки и принятия консолидированного решения, если коммуникант должен отстаивать свою позицию и защищать свою точку зрения, особенно если он чувствует себя оскорблённым или уличённым в некомпетентности.

Речевые акты с иллокутивной силой уклонения представляют собой попытку коммуниканта избежать ответа на неудобный вопрос, скрыть своё истинное намерение, перевести тему интервью в другое русло и т. д. [5; 7; 23]. Л. Б. Головаш подчёркивает тот факт, что уклонение как коммуникативная стратегия представляет собой определённый выбор коммуникантом языковых средств, которые представляют собой «неявные, имплицитные, смыслы, основанные на социально-этических нормах», и реализуют помимо основной функции (уклонение) «дополнительную экспрессивную иллокутивную функцию, выражающую то или иное чувство (осуждение, пренебрежение и т. п.)» [5, с. 8–9].

1. Модусные вопросы

Анализ эмпирического материала, появившегося в поле нашего рассмотрения, показывает, что в немецкоязычном политическом интервью политические деятели активно используют встречные вопросы, представляющие в структурном отношении интеррогативные конструкции с

вопросительным словами *Wie?* и предикатом, выраженным глаголом *kommen* в различных временных формах. Вопросы такого типа, как правило, на поверхностном уровне отражают стремление политического деятеля узнать, каким образом интервьюер пришёл к тому или иному заключению, сформулированном в иницирующем вопросе, а на самом деле представляют собой яркий пример выражения согласия / несогласия. Политику в действительности неинтересно узнать о механизмах порождения точки зрения интервьюера. Стереотипная форма встречного вопроса *Wie kommen Sie auf die Idee? / Frage? / darauf?*, которая встречается в различных коммуникативных ситуациях, говорит о его универсальности в качестве первой, непосредственной реакции коммуниканта на иницирующую реплику. Как справедливо отмечает Е. А. Скородумова, первая реакция на какое-то речевое событие или речевой поступок «варьируется в пределах позитивного и негативного (нравится – не нравится, согласен – не согласен)» [19, с. 10]. Рассмотрим примеры (*здесь и далее в примерах полужирный курсив наш. – М. Ч.*):

(1) SPIEGEL: Herr Steinbrück, bisher sind alle Bemühungen, die Euro-Krise zu beenden, gescheitert. Warum sagt eigentlich kein Politiker, dass die Gemeinschaftswährung, so wie sie einmal konzipiert und den Bürgern verkauft wurde, gar nicht zu retten ist?

Steinbrück: ***Wie kommen Sie denn auf die Idee, dass der Euro nicht zu retten sei?***
(*Der Spiegel*, 37/2011)

В примере (1) мы видим использование интервьюируемым политиком в качестве ответной реплики на вопрос интервьюера интеррогативного высказывания *Wie kommen Sie auf die Idee, dass ...?* Семантическая интерпретация данного высказывания показывает намерение политика уточнить, как интервьюеру могла прийти в голову идея о сформулированном в его вопросе положении дел. Коммуникативно-прагматическая интерпретация данного высказывания сви-

детельствует о намерении политика не согласиться с интервьюером и выразить своё эмотивное отношение к его мнению, а именно удивление очевидной абсурдностью и нелепостью запрашиваемой в вопросе информации (ср.: *Как Вам такое вообще могло прийти в голову?*).

(2) SPIEGEL: Macht Ihnen Politik eigentlich Freude?

Oettinger: ***Wie kommen Sie denn auf die Frage?*** Klar.

(*Spiegel*, 31/2008)

По ответной реплике в примере (2) (*Как Вы вообще могли такое спросить?*) можно предположить, что политик не согласен с точкой зрения интервьюера. Однако появление слова *klar* (*конечно, ясное дело*) в конце ответной реплики меняет наше первичное предположение на диаметрально противоположное: политический деятель соглашается с точкой зрения интервьюера. При этом встречный вопрос выражает его искреннее удивление попыткой интервьюера усомниться в очевидности того факта, что политика действительно доставляет ему радость.

2. Каузативные вопросы

Встречные вопросы, вводимые вопросительным словом *Wieso?*, по своим коммуникативно-прагматическим характеристикам соответствуют *почему*-репликам в русском языке, функционирование которых подробно исследовалось в трудах отечественных лингвистов [1, с. 44; 6, с. 186–187]. Иллокутивная сила таких реплик заключается в выражении возражения на утверждение или отрицательном ответе на вопрос [14, с. 310], например:

(3) SPIEGEL: Sie gelten als Vater der Großen Koalition. Haben Sie Ihre Einmischung von damals eigentlich schon mal bereut?

Steinmeier: ***Wieso sollte ich bereuen, die Parteien auf die Verfassungslage hingewiesen zu haben?*** Danach ist die Vorstellung schlicht falsch, der Bundespräsident habe freie Hand, wann es Neuwahlen gibt und wann nicht.

(*Der Spiegel*, 38/2018)

В примере (3) понимание смысла отрицательного ответа политика, его несогласие с репликой интервьюера можно раскрыть через ряд трансформаций, вскрывающих имплицитное отрицание. Сравните: – *Вы рассказали в своём вмешательстве?* – *Почему мне следовало бы рассказать?* → *На основании чего Вы считаете, что мне следовало бы рассказать?* → *У Вас нет достаточных оснований.* → *Я не рассказывал.*

Добавление отрицательной частицы *nicht* в синтаксическую конструкцию с вопросительным словом *warum* / *wieso* переводит встречный вопрос в разряд приёмов выражения коммуникативной стратегии согласия, например:

(4) SPIEGEL: Werden Sie im Sommer zur Fußballweltmeisterschaft nach Russland fahren?

Seehofer: *Wieso nicht?* Wenn mein Terminkalender das zulässt, werde ich fahren. Wir sollten den Sport nicht politisch instrumentalisieren, das war schon immer meine Meinung.

(*Der Spiegel*, 17/2018)

Здесь следует отметить, что конструкции без отрицательной частицы *nicht* однозначно представляют собой речевые акты несогласия, показывающие, что мнение интервьюера является ошибочным. Конструкции с отрицательной частицей *nicht* манифестируют гипотетическое согласие политика с мнением интервьюера, к которому добавляется завуалированное побуждение к совершению того или иного действия [11, с. 11].

На наш взгляд, дифференциальным признаком, позволяющим нам отнести встречные вопросы с вопросительными словами *Wieso?* и *Warum?* к речевым актам согласия / несогласия, заключается в разной степени реальности, предиктируемой субъекту. Сравните: в примере (3) субъекту (политическому деятелю) предиктируется определённое действие (рассказание), которое, будучи выраженным через временную форму перфекта, говорит об этом действии как о свершившемся факте. Это и вызывает эмоционально

окрашенную негативную реакцию политика. Пример (4) предиктирует субъекту определённую возможность (форма футурума глагола *fahren*), которая может наступить, а может и не наступить при выполнении каких-либо условий (если график работы позволит совершить поездку в Россию). Отсюда вытекает дополнительная иллюкутивная сила такого встречного вопроса: формирование у аудитории иллюзии возможности осуществления маловероятного намерения.

3. Вопросы-переспросы

Вопросы-переспросы представляют собой особый тип ответных реплик, в которых мы имеем дело с реакцией на неуместность реплики-стимула вследствие недопонимания коммуникантами друг друга или разногласий в отношении к тем или иным высказываниям или речевым поступкам. В своей структуре переспрос содержит интонационно выделяемый компонент, отсылающий к тому фрагменту реплики-стимула, который вызвал недопонимание [8, с. 115]. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, вкрапление в ответную реплику элементов иницилирующего высказывания представляет собой случай диалогической цитации, когда воспроизведение чужой речи в ответной реплике служит достижению коммуникативных целей, отличных от изначального намерения в реплике-стимуле [2, с. 669–672]. Как правило, переспросы характеризуются как экспрессивные речевые акты, выражающие эмоциональную реакцию коммуниканта на содержащуюся в реплике-стимуле информацию: удивление, возмущение, протест, несогласие и т. д. Рассмотрим пример:

(5) SPIEGEL: Frau Wagenknecht, warum malen Sie Deutschland eigentlich so schwarz?

Wagenknecht: *Schwarzmalen?* Inzwischen arbeitet jeder Fünfte im Niedriglohnssektor. Die Renten haben seit dem Jahr 2000 massiv an Kaufkraft verloren. Selbst ein Durchschnittsverdiener muss heute befürchten, dass er im Alter arm ist.

(*Der Spiegel*, 9/2017)

В примере (5) политический деятель фокусируется на глаголе *schwarzmalen* (рисовать в мрачном свете), выбранном интервьюером для описания ситуации с размерами заработной платы в Германии. Ответная реплика политика свидетельствует здесь не только о неприятии им позиции интервьюера, но также о возмущении и негодовании, поскольку он вовсе не представляет всё в мрачном свете, а наоборот говорит о реальном положении дел, приводя конкретные факты и цифры в продолжение своей реплики.

Следующий пример (6) также иллюстрирует экспрессивный характер вопроса-переспроса политического деятеля, в котором он эмоционально протестует против позиции интервьюера:

(6) SPIEGEL: Aber als die Regelung jüngst in Karlsruhe verhandelt wurde, waren Sie nicht dabei. Warum haben Sie gekniffen?

Leutheusser-Schnarrenberger: **Wieso gekniffen?** Hätte ich als zuständige Justizministerin etwa ein Gesetz verteidigen sollen, das ich selbst für falsch halte? Das wäre ja wohl unglaublich gewesen ...

(Der Spiegel, 2/2010)

В примере (6) политический деятель фокусирует внимание именно на выборе интервьюером глагола *kneifen*, употреблённом в данной коммуникативной ситуации в фамильярно-вульгарном значении «увиливать», «сачковать». Политический деятель гневно протестует против попытки интервьюера обвинить его в недобросовестном исполнении своих служебных обязанностей на посту министра юстиции, а именно в его отсутствии в Карлсруэ на обсуждении вопросов правового урегулирования.

4. Риторические вопросы

Риторическим вопросам посвящено большое количество исследовательских работ, в которых рассматриваются их коммуникативно-прагматические особенности [19], дискуссионные характеристики [17], возможности использования в качестве приёмов реализации стратегии убеждения [13] и т. д. Ключевым фак-

тором при изучении речевых вопросов выступает их специфика, заключающаяся в несовпадении его пропозиционального содержания с коммуникативным намерением адресанта. Коммуникативное намерение адресанта заключается не в получении запрашиваемой информации, поскольку ответ либо известен всем участникам коммуникации, либо выводится путём нехитрых умозаключений, а в реализации определённых коммуникативных установок [19, с. 9].

При определении иллокутивной силы риторических вопросов в качестве ответной реплики нам следует помнить об одной общеизвестной специфике риторических вопросов: положительный риторический вопрос соответствует отрицательному утверждению (имплицитное несогласие), а присутствие отрицательного элемента обуславливает положительный характер утверждения (имплицитное согласие) [3, с. 5–6]. Эта особенность позволяет нам достаточно легко определить иллокутивную силу согласия / несогласия / уклонения в ответе на общий вопрос, например:

(7) SPIEGEL: Konnten Sie es sich als Teenager vorstellen, mit Ihrem Aussehen einmal Vizekanzler der Bundesrepublik zu werden?

Rösler: **Welcher Teenager kann sich überhaupt vorstellen, einmal Vizekanzler zu werden?** Ich finde, die Bürger gehen doch sehr tolerant und gelassen mit der Tatsache um, dass ich anders aussehe als der „Durchschnittsdeutsche“.

(Der Spiegel, 29/2011)

В примере (7) интервьюер спрашивает политического деятеля о том, мог бы он, будучи подростком, представить себе, что с такой внешностью он когда-нибудь станет вице-канцлером ФРГ. Отрицательный ответ (несогласие политика) следует из трансформации риторического вопроса в утверждение путём подстановки маркера несогласия: – *Welcher Teenager kann sich überhaupt vorstellen, einmal Vizekanzler zu werden?* → *Keiner Teenager kann*

sich das vorstellen. (Какой подросток вообще может себе представить, что однажды станет канцлером? → Никакой подросток не может себе это представить). Таким образом, мы получаем отрицательный ответ на иницирующий вопрос интервьюера: – *Вы могли, будучи подростком, представить себе, что с такой внешностью станете однажды вице-канцлером? – Какой подросток вообще может себе представить, что однажды станет канцлером? → Никакой подросток не может себе это представить → Я не мог себе это представить.*

Для понимания иллюкативной силы ответной реплики, представляющей собой встречный риторический вопрос, необходимо также учитывать пропозициональное содержание иницирующей и ответной реплик, а также пресуппозиции участников коммуникативной ситуации. Обратимся к примеру:

(8) SPIEGEL: Versuchen wir es eine Nummer kleiner: Ist es links, bei einem Völkermord wie in Ruanda zuzusehen?

Gysi: **Wollte irgendein westliches Land dort Truppen hinschicken?** Keines. Warum? Dort gibt es kein Öl.

SPIEGEL: Sie weichen aus. Darf man als Linker da zusehen?

(Der Spiegel, 49/2013)

В примере (8) интервьюер пытается выяснить, соответствует ли принципам партии левого толка наблюдение за геноцидом, как, например, в Руанде. Мы можем предположить, что пресуппозиция интервьюера заключается в следующем: 1) имеется факт наличия геноцида (потому что за ним можно наблюдать); 2) геноцид имеет место в Руанде; 3) существует определённое соотношение между наблюдением за геноцидом и «левой» доктриной. Ответная реплика представляет собой классический риторический вопрос, на который сам политик и отвечает: – *Захотела какая-либо западная страна отправить туда войска? Никакая (ни одна).* В ответной реплике прослеживается следующая пресуппозиция политиче-

ского деятеля: 1) в Руанду (*dort – туда*) нужно направить войска; 2) в Руанде имеет место какой-то конфликт, который требует вооружённого вмешательства; 3) западные государства не вмешались в данный конфликт. Несовпадение пресуппозиций интервьюера и политика (первого интересует соотношение геноцида и левых взглядов, а второй говорит о невмешательстве западных государств в референтную ситуацию) позволяет нам сделать вывод о том, что политик уклоняется от прямого ответа на вопрос. Именно так и понимает интервьюер реакцию политика, констатируя его уход от ответа в своей следующей реплике (*Sie weichen aus. – Вы уклоняетесь*).

К особой категории встречных вопросов, обладающих структурно-семантическими характеристиками риторического вопроса, мы можем отнести ответные реплики, которые, по терминологии Е. Н. Линдстрем [10, с. 12], занимают промежуточное положение между традиционными вопросами и риторическими, поскольку выражают предположение противоположного. Так называемые «вопросы-сомнения» утрачивают условие искренности (говорящий действительно не знает ответ на вопрос и желает его получить). Понимание иллюкативной силы согласия / несогласия / уклонения обусловливается контекстуальной детерминированностью встречных вопросов в каждой конкретной коммуникативной ситуации. Приведём примеры.

(9) SPIEGEL: Was war dümmmer von Steinbrück: zu sagen, er trinke keinen Pinot Grigio unter fünf Euro, oder, ein Bundeskanzler verdiene zu wenig?

Lauterbach: **Glauben Sie wirklich, dass ich in die Falle tappe, die Sie mir mit dieser Frage stellen?**

(Der Spiegel, 36/2013)

В примере (9) интервьюер задаёт провокационный вопрос, касающийся субъективной оценки речевых поступков конкретного политика: какие слова Штайнбрюка оказались более глупыми,

то, что он не пьёт пино гриджио (*сорт вина* – М. Ч.) дешевле пяти евро или что бундесканцлер слишком мало зарабатывает. Пресуппозиция в иницилирующей реплике заключается в следующем: слова Штайнбрюка были глупыми. Ответ интервьюируемого политика представляет собой яркий пример категорического уклонения от ответа на вопрос: – *Вы действительно считаете, что я попаду в ловушку, которую Вы мне приготовили этим вопросом?* → *Нет, вы так не считаете* → *Вы понимаете, что не получите ответ на свой вопрос.* Политик сумел разгадать провокацию интервьюера: если бы политик стал отвечать на поставленный вопрос, то согласился бы с пресуппозицией, что Штайнбрюк действительно сглупил, и выставил бы своего коллегу по цеху в неприглядном цехе.

5. Истинные и ложные конкретизирующие вопросы

Рассматривая встречные вопросы, которые мы относим к этой категории, мы руководствовались в первую очередь тезисом о том, что вопросы такого типа должны в полной мере удовлетворять условиям успешности речевого акта [4, с. 125]. В контексте нашего исследования релевантным становится тот фактор, что политический деятель действительно желает знать ответ на свой вопрос и предполагает, что интервьюер действительно может на этот вопрос ответить. В этой связи мы считаем целесообразным говорить об истинных конкретизирующих вопросах, которые способствуют сохранению принципа кооперативного поведения в интервью: политик уточняет у интервьюера те или иные непонятные для него моменты, чтобы дать более аргументированный ответ. Ложные конкретизирующие вопросы, напротив, не предполагают ответ интервьюера, не способствуют сохранению динамики диалога и развитию темы, и выступают в качестве речевых ходов реализации коммуникативной тактики уклонения [9, с. 34]. Рассмотрим примеры:

(10) SPIEGEL: Bereuen Sie, Ihren ehemaligen Sprecher Michael Offer während einer Pressekonferenz öffentlich zum Gespött gemacht zu haben?

Schäuble: *Haben Sie die besagte Szene im Saal miterlebt?*

SPIEGEL: Nein, wir kennen sie aus dem Fernsehen und von YouTube.

Schäuble: Von denen, die dabei im Saal waren, hat sich niemand beschwert. Die Szene hat im Internet eine völlig andere Wirkung entfaltet.

(Der Spiegel, 51/2011)

В примере (10) интервьюер спрашивает у политика, раскаивается ли он в том, что в ходе пресс-конференции публично выставил на посмешище своего бывшего спикера. Ответная реплика представляет собой встречный вопрос, в котором политик интересуется, присутствовал ли интервьюер в зале во время упомянутого события. Данное высказывание также удовлетворяет условиям успешности речевого акта вопроса и является истинным конкретизирующим вопросом. Коммуникативное намерение политика, как мы можем предположить, заключается в попытке получить от интервьюера дополнительные сведения, которые помогли бы ему нужным образом отреагировать в данной коммуникативной ситуации.

Ложные конкретизирующие вопросы в структурном отношении также представляют собой традиционные вопросы, однако задающий их политик не преследует цель получить недостающую информацию от своего собеседника, а пытается уйти от прямого ответа на поставленный вопрос. Рассмотрим примеры:

(11) SPIEGEL: Als Sie sich vor kurzem in Berlin mit einem Fest verabschiedet haben, war Ihr Parteichef Horst Seehofer nicht dabei, obwohl er ebenfalls in Berlin war. Warum haben Sie ihn nicht eingeladen?

Glos: *War er nicht eingeladen?* Jedenfalls hätte er nicht gestört.

(Der Spiegel, 32/2013)

В примере (11) интервьюер пытается выяснить причины, по которым полити-

ческий деятель не пригласил своего партийного лидера на торжественный приём по случаю своей отставки. Ответная реплика политика представляет собой встречный вопрос: – *А его не пригласили?* Мы наблюдаем нарушение условия успешности речевого акта вопроса, так как политик не заинтересован в ответе интервьюера, а продолжает развивать свою мысль. Коммуникативное намерение политика заключается в выражении мнимого сожаления фактом отсутствия партийного лидера (*jedenfalls hätte er nicht gestört – во всяком случае, он бы не помешал*). Такому пониманию способствует также противопоставление форм активного и пассивного залога в иницилирующей и ответной репликах (*Sie haben ihn eingeladen vs. Er war eingeladen*). Можно предположить, что политик сознательно прибегает к использованию пассивного залога, давая понять аудитории, что он не имеет отношения к данной ситуации.

(12) SPIEGEL: Waren Sie ein Putin-Versteher, Herr Kubicki?

Kubicki: *Was heißt Putin-Versteher?* Ich habe mich immer bemüht zu verstehen, was andere wollen – das galt auch für Wladimir Putin. Ich halte das für eine vernünftige Grundlage, um überhaupt kommunizieren zu können, vor allem wenn es um andere Kulturen und Länder geht.

(*Der Spiegel*, 15/2022)

В своей ответной реплике в примере (12) политический деятель акцентирует внимание на выборе интервьюером языковой единицы *Putin-Versteher* (человек, понимающий мотивы действий Путина, сторонник Путина). Для правильного понимания ответной реакции политика следует учитывать геополитическую ситуацию в мире на момент интервьюирования (апрель 2022 года) и отношение большинства европейских политических деятелей как к самому Путину, так и проводимой им политике. Иницилирующая реплика интервьюера, представляющая собой общий вопрос, требует от политика либо согласиться, либо не согласиться

с её пропозициональным содержанием. Уточнение политика (*Что значит сторонник Путина?*) представляет собой завуалированное уклонение, словно бы он пока не знает, в какое русло интервьюер может направить беседу и какую ответную реакцию может вызвать его согласие или несогласие. Осторожность политика проявляется также в его попытке расширить фокус проблематики и перенести внимание с конкретного лица (Путин) на более широкий круг лиц (другие): *Я всегда пытался понять, что хотят другие – в том числе и Владимир Путин*. Как отмечается в работе [7, с. 50–52], смещение фокуса (его сужение или расширение) в содержательной стороне иницилирующей и ответной реплик характерно для вопросов-переспросов, являющихся тактическими средствами реализации стратегии уклонения.

Анализ примеров (10) – (12) показывает, что встречные вопросы, относящиеся к категории истинных или ложных конкретизирующих вопросов, обладают иллюкативной силой уклонения, поскольку в репликах политического деятеля отсутствует запрашиваемая информация. Политик пытается различными способами избежать прямого ответа, скрыть причины тех или иных поступков.

Заключение

Проведённое исследование показывает, что встречные вопросы обладают широким функционально-прагматическим потенциалом. Будучи очевидными маркерами нарушения традиционной динамики интервью с последовательным чередованием вопросов интервьюера и ответов политического деятеля, они привлекают внимание аудитории и способствуют более полному пониманию коммуникативного намерения политика.

В структурно-семантическом отношении встречные вопросы представляют собой высказывания, ориентированные на апелляцию политического деятеля к фактору образа или причины действия,

акцентирующие внимание на определённом фрагменте иницирующей реплики, являющиеся риторическими вопросами, а также истинными и ложными конкретизирующими вопросами. Мы далеки от мысли, что представленный инвентарь является исчерпывающим, и считаем, что предложенная категоризация может и должна быть дополнена.

В функционально-прагматическом аспекте встречные вопросы, обладая иллюкутивной силой согласия / несогласия / уклонения, маркируют определённое коммуникативное поведение политического деятеля. Согласие / несогласие / уклонение, в свою очередь, выражают некий глобальный замысел политического деятеля: как первая реакция на иницирующую реплику они определяют дальнейшую линию его коммуникативного

поведения. С учётом коммуникативной ситуации общения и экстралингвистических факторов протекания общения первоначальный глобальный замысел – согласиться, не согласиться, уклониться – обрастает дополнительными интенциями и эмотивно-экспрессивными компонентами. Мы можем проследить достаточно широкий спектр эмоциональных состояний: удивление, недоумение, негодование, раздражение, иронию, лукавство и т. д.

Таким образом, встречные вопросы предоставляют обширные возможности для изучения различных аспектов коммуникативного поведения не только политических деятелей, но и других социальных групп.

Дата поступления в редакцию 06.07.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке // Филологические науки. 1970. № 3. С. 44–58.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Белоколоцкая С. А. Риторический вопрос в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 20 с.
4. Власян Г. Р. Вопросительные предложения в свете теории речевых актов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2006. № 6 (61). С. 125–127.
5. Головаш Л. Б. Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 18 с.
6. Ермакова О. П. Косвенные ответы в естественном разговорном диалоге // Жанры речи. 2021. № 3 (31). С. 181–189. DOI: 10.18500/2311-0740-2021-3-31-181-189.
7. Исаева С. Н. Контрвопрос как тактика уклонения: прагматические, когнитивные и лингвистические аспекты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 3 (832). С. 47–56.
8. Кобозева И. М., Захаров Л. М. Когнитивно-семантическая модель переспроса как лингвоспецифичного элемента русской таксономии речевых актов и типология переспросов // Когнитивное моделирование: труды Четвертого Международного форума по когнитивному моделированию, Льорет-де-Мар, Испания, 11–18 сентября 2016 г.: в 2 т. Т. 1. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2016. С. 106–116.
9. Ли Цынь. Речевые ходы реализации коммуникативной тактики уклонения от ответа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 8 (197). С. 34–38. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-8-34-38.
10. Линдстрем Е. Н. Классификация русских вопросительных по форме высказываний на базе прагматически обоснованной универсальной модели: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003. 25 с.
11. Мостовая Л. А. Семантические особенности и иллюкутивные функции конструкций с вопросительными словами «зачем» и «почему»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 24 с.
12. Оглезнев В. В. «Значение как употребление», нормативные предложения и иллюкутивная сила // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2022. № 3 (33). С. 127–134. DOI: 10.23951/2312-7899-2022-3-127-134.

13. Осетрова М. О. Риторические вопросы как реализация стратегии убеждения в судебном дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 1. С. 207–217. DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-207-217.
14. Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41. № 4. С. 305–313.
15. Плахотная Ю. И. Речевое воздействие в диалогическом политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 121–124.
16. Руженцева Н. Б. Манипулятивный компонент и предпосылочное знание в политическом интервью: вопросы и комментарии интервьюера // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 26–34.
17. Санишвили И. Т. Дискурсивные характеристики риторических вопросов в устной речи на немецком и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 5. С. 1663–1668. DOI: 10.30853/phil20220243.
18. Свиридова Т. М. О параметрах речевого акта возможного согласия // Филоlogos. 2022. № 1 (52). С. 62–68. DOI: 10.24888/2079-2638-2022-52-1-62-68.
19. Скородумова Е. А. Коммуникативно-прагматические особенности риторических вопросов-реакций: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 22 с.
20. Сычева И. Б. Встречный вопрос с точки зрения кооперативности общения // Развитие современного социально-гуманитарного знания: отечественный и зарубежный опыт: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Белгород, 28 февраля 2018 г.: / под общ. ред. Е. П. Ткачевой: в 4 ч. Ч. 1. Белгород: Агентство перспективных научных исследований, 2018. С. 70–73.
21. Титаренко Т. В. Коммуникативно-прагматические аспекты встречного вопроса в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 18 с.
22. Юрина М. В. Коммуникативные стратегии партнеров в политическом интервью (на материале современной прессы ФРГ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 24 с.
23. Dijk Teun A. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice // Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. 1983. Vol. 3. No. 4. P. 375–404. DOI: 10.1515/text.1.1983.3.4.375.
24. Rost-Roth M. Fragen – Nachfragen – Echofragen. Formen und Funktionen von Interrogationen im gesprochenen Deutsch // Linguistik Online. 2013. Bd. 13. Nr. 1. URL: <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/article/view/882> (дата обращения: 06.04.2022). DOI: 10.13092/lo.13.882.
25. Selting M. W-Fragen in konversationellen Frage-Antwort-Sequenzen // Fragesätze und Fragen / ed. M. Reis, I. Rosengren. Berlin; New York: Max Niemeyer Verlag, 2012. pp. 263–288. DOI: 10.1515/9783111356525.263.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. [Some types of dialogical reactions and “why”-replies in the Russian language]. In: *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences], 1970, no. 3, pp. 44–58.
2. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p.
3. Belokolotskaya S. A. *Ritoricheskiy vopros v angliyskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Rhetorical question in English: an abstract of a PhD thesis in Philological Sciences]. Voronezh, 2005. 20 p.
4. Vlasyan G. R. [Interrogative sentences in the light of the theory of speech acts]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics], 2006, no. 6 (61), pp. 125–127.
5. Golovash L. B. *Kommunikativnyye sredstva vyrazheniya strategii uklo-neniya ot pryamogo otveta (na materiale angliyskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Communicative means of expressing the strategy of avoiding a direct answer (on the material of the English language): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Kemerovo, 2008. 18 p.
6. Ermakova O. P. [Indirect responses in natural conversation]. In: *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2021, no. 3 (31), pp. 181–189. DOI: 10.18500/2311-0740-2021-3-31-181-189.
7. Isaeva S. N. [Counter-question as evasive tactics: pragmatic, cognitive and linguistic aspects]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2020, no. 3 (832), pp. 47–56.

8. Kobozeva I. M., Zakharov L. M. [Cognitive-semantic model of questioning as a linguo-specific element of the Russian taxonomy of speech acts and typology of questions]. In: *Kognitivnoye modelirovaniye: trudy Chetvertogo Mezhdunarodnogo foruma po kognitivnomu modelirovaniyu, L'oret-de-Mar, Ispaniya, 11–18 sentyabrya 2016 g. T. 1* [Cognitive Modeling: Proceedings of the Fourth International Forum on Cognitive Modeling, Lloret de Mar, Spain, 11–18 September 2016. Vol. 1]. Rostov-on-Don, Fond nauki i obrazovaniya Publ., 2016, pp. 106–116.
9. Li Qin. [The speech moves to implement the communication tactics of response evasion]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2018, no. 8 (197), pp. 34–38. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-8-34-38.
10. Lindstrom Ye. N. *Klassifikatsiya russkikh voprositel'nykh po forme vyskazyvaniy na baze pragmaticheskoy obosnovannoy universal'noy modeli: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Classification of Russian interrogatives according to the form of statements based on a pragmatically justified universal model: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Petrozavodsk, 2003. 25 p.
11. Mostovaya L. A. *Semanticheskiye osobennosti i illokutivnyye funktsii konstruktivnykh voprositel'nykh slovyami «zachem» i «pochemu»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic features and illocutionary functions of constructions with interrogative words “what for” and “why”: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2010. 24 p.
12. Ogleznev V. V. [“Meaning as use”, normative sentences, and illocutionary force]. In: *Praksema. Problemy vizual'noy semiotiki* [PRAXEMA. Journal of Visual Semiotics], 2022, no. 3 (33), pp. 127–134. DOI: 10.23951/2312-7899-2022-3-127-134.
13. Osetrova M. O. [Rhetorical questions as a way of realizing persuasive strategy in court discourse]. In: *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Studies of Social Issues], 2020, vol. 12, no. 1, pp. 207–217. DOI: 10.12731/2077-1770-2020-1-207-217.
14. Paducheva Ye. V. [Pragmatic aspects of the connectedness of the dialogue]. In: *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the USSR Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 1982, vol. 41, no. 4, pp. 305–313.
15. Plakhotnaya Yu. I. [Speech effect in political dialogue discourse]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2011, no. 4 (38), pp. 121–124.
16. Ruzhentseva N. B. [Manipulative component and preknowledge in political interview: questions and commentaries of the interviewer]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2016, no. 1 (55), pp. 26–34.
17. Sanishvili I. T. [Discursive characteristics of rhetorical questions in oral speech in the German and Russian languages]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2022, vol. 15, no. 5, pp. 1663–1668. DOI: 10.30853/phil20220243.
18. Sviridova T. M. [About the parameters of the speech act of possible consent]. In: *Filologos* [Filologos], 2022, no. 1 (52), pp. 62–68. DOI: 10.24888/2079-2638-2022-52-1-62-68.
19. Skorodumova Ye. A. *Kommunikativno-pragmaticheskiye osobennosti ritoricheskikh voprosov-reaktsiy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Communicative and pragmatic features of rhetorical questions-reactions: an abstract of a PhD thesis in Philological Sciences]. Chelyabinsk, 2010. 22 p.
20. Sycheva I. B. [A counter question from the point of view of the cooperativeness of communication]. In: *Razvitiye sovremennogo sotsial'no-gumanitarnogo znaniya: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Belgorod, 28 fevralya 2018 g. Ch. 1* [Development of modern social and humanitarian knowledge: domestic and foreign experience: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Belgorod, February 28, 2018. P. 1]. Belgorod, Agentstvo perspektivnykh nauchnykh issledovaniy Publ., 2018, pp. 70–73.
21. Titarenko T. V. *Kommunikativno-pragmaticheskiye aspekty vstrechnogo voprosa v nemetskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Communicative and pragmatic aspects of the counter question in the German language: an abstract of a PhD thesis in Philological Sciences]. Barnaul, 2004. 18 p.
22. Yurina M. V. *Kommunikativnyye strategii partnerov v politicheskom interv'yuu (na materiale sovremennoy pressy FRG): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Communication strategies of partners in a political interview (based on the material of the modern press of Germany): an abstract of a PhD thesis in Philological Sciences]. Samara, 2006. 24 p.

23. Dijk Teun A. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice. In: *Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*, 1983, vol. 3, no. 4, pp. 375–404. DOI: 10.1515/text.1.1983.3.4.375.
24. Rost-Roth M. Fragen – Nachfragen – Echofragen. Formen und Funktionen von Interrogationen im gesprochenen Deutsch. In: *Linguistik Online*, 2013, Bd. 13, nr. 1. Available at: <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/article/view/882> (accessed: 06.04.2022). DOI: 10.13092/lo.13.882.
25. Selting M. W-Fragen in konversationellen Frage-Antwort-Sequenzen. In: Reis M., Rosengren I., eds. *Fragesätze und Fragen*. Berlin, New York, Max Niemeyer Verlag, 2012, pp. 263–288. DOI: 10.1515/9783111356525.263.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чуриков Михаил Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ростовского государственного университета путей сообщения;
e-mail: maustag@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Michail P. Churikov – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department “Foreign Languages”, Rostov State Transport University;
e-mail: maustag@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чуриков М. П. Функционально-прагматический потенциал встречных вопросов в политическом интервью // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 119–132.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-119-132

FOR CITATION

Churikov M. P. Functional and pragmatic potential of counter questions in a political interview. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 6, pp. 119–132.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-6-119-132